

Валерий Ухандеев

г. Польшаево

Страницы прижизненной книги
Изогнуты в поиске забвения
Словно лунный вывих.
Лень льда
Эпоха кладбищ
В вечной мерзлоте.

Берега луны и солнца
Словно смена часовых
На границе имен собственных
Сиюминутных.

Уточняет имя прочерк
Древнегрустного языка
На котором дождь лопочет
Надо полагать.

Нить прощанья в стеклах дремлет
Дождь как штопальщик окна
Глубину осовременнивает
Древнегрустного письма.

Мысли солнца и луны
Словно жгутики оконного разума
Прощанием вакцинируют
Кто на ожидание отважится.

Окно с чертой снеговпадения
Во неподобие пробелов
Преданности завтрашнего дня.
Безымянная цельность
Будильника и прощания.
Оберегает время
Почерком капельно-мелким
Вечер владеющий даром чтения,
Прикованный к улице
Азбукой окон.

Я назвал свою книгу «Вещь».
Словно горсть букв в чернозем обложки
Бросил.

Весь тираж книги уместился в дорожной
сумке
В коридоре типографии я остановился
и замер

Услышав как со стального языка дверного
замка

Срывается ржавеющее эхо России
«На выход, с вещами».

Когда остановится сердце,
Игольчатые подшипники земной оси
Рассыпятся и стихограмма
Почерком меридианно-крупным,
Покоряя иглоударные гласные
Недопишет:
Остановок больше не будет.

Много, много, много
Снег идет со мною в ногу,
Озернил почву призвания
Снеговсход.

Дорога к дому

Я встречаю ночь рождения
Подскажите как выбрать снег
С электрической этикеткой
Ожидания в русском окне.

Снег когда до рассвета
Остается солнечный шаг
И будильник ветками стрелок
Разметаает пыль бездны в углах.

Снег последний, просторный.
Можно все отрицать.
Короб комнаты в гору
Дня рождения не поднять.

В ходе всеночной эволюции
Перепонки оконных рам
Стали, это не говорил Заратустра,
Душой электрических ламп.

Причин и следствий представитель,
Дождь в форточке артачится,
В форточке нерукопожатной.
Впадает в капли подоконник.
Карандашом как ржавыми кусачками
Вытаскиваю гвоздь
Новопредставленного текста
Из потустороннего черновика.

Полысаево

Иня впадает в задумчивость осени.
На лист прощальный словно на блесну
Берег блеснул уловом сладко-солнечных
дней.

Прозрачность времени и тишины
Присвоила тень нетленности.
Желенодорожной веткой
Словно ручкой перьевой кто-то с усилием
Продолжил берег именной.

Словно в хрустальной раковине,
В фужере игристого вина
Рождается жемчуг.

Якорь оконной рамы
Удерживает парусник зари
От гибели на рифах
Крупнопанельного домостроя.

Вся призрачность его.
Вот-вот дотронется до сердца.
Глаза закрыты, сердце видит дом.
Старый деревянный двухэтажный
Дом облицованный книгами
Словно серыми кирпичами.
На полукожаных переплетах еще можно
Разглядеть имя автора
Чье слово противостоит
Осенней слякоти.
Странный сон,
Старый дом облицованный книгами.
И беспомощно так
Возвращается явь
Сквозь призму боли
В зеркало книжного шкафа.

Запутываю снег
Прикосновением ладони
К оконному стеклу.
Прозрачностью от dvoенной
Отдвигаю день
В глубь зеркала
Несуществующего.
И каждое зачем
Как грифель красной ртути
Все минусует
Гелеоприсутствие
Как будто отвечает мне.
Будильник словом и строкой
Определяет отмель и глубины
Где протяну ладонь
К оконному стеклу
Из комнаты пустынной.

Тетрадный собиратель текста
Прошнурованный утилитарным почерком
Лежит на душе подоконника.